

глобального плюралізму, де «наука є лише одним з-поміж можливих рівнозначних варіантів інтерпретації дійсності» [9, С. 228]. Доводячи псевдонаукову природу постструктуралізму, Ральф запитує Гелен: «Якщо б у тебе був рак, чи звернулася б ти до онколога-постмодерніста, який вважає, що рефлексологія та ароматерапія є рівноцінними щодо хірургії та хіміотерапії?» [9, С. 229].

Перетворення теоретичного дискурсу на одну з найрепрезентативніших рис ідіостилію Д. Лоджа зумовлене як фаховою академічною діяльністю автора, так і специфікою жанрової парадигми університетського роману, до якого належить кожний із досліджуваних у статті художніх творів письменника. Романістика Д. Лоджа розрахована одразу на дві категорії читачів: некомпетентного масового читача та носія наукової свідомості, здатного отримувати насолоду від зіставлення кількох контекстів, наявних у романах автора. Множинність способів інтегрування в художній текст літературно-теоретичної проблематики, а також той факт, що наукові позиції персонажів часто виявляються різновекторними, призводить до того, що кожний окремих дискурс включається в діалог інших дискурсів, що надає романам автора діалогічного або поліфонічного характеру. Такий підхід апелює до теорії діалогізму М. Бахтіна, до якої Д. Лодж неодноразово звертається у своїх наукових працях. Презентація в тексті кількох і більше дискурсів та точок зору автоматично виключає можливість надання переваги лише одному з них.

Бібліографічні посилання

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1994. – 616 с.
2. *Lodge D.* After Bakhtin. Essays on Fiction and Criticism / D. Lodge. – London & New York: Routledge, 1990. – 208 p.
3. *Lodge D.* Changing Places. A Tale of Two Campuses / D. Lodge. – London: Secker & Warburg, 1975. – 256 p.
4. *Lodge D.* Consciousness and the Novel: Connected Essays / D. Lodge. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2002. – 320 p.
5. *Lodge D.* Nice Work / D. Lodge. – London: Secker & Warburg, 1988. – 384 p.
6. *Lodge D.* Small World. An Academic Romance / D. Lodge. – London: Secker & Warburg, 1984. – 339 p.
7. *Lodge D.* The Modes of Modern Writing: Metaphor, Metonymy, and the Typology of Modern Literature / D. Lodge. – London: Edward Arnold (Publishers), 1977. – 296 p.
8. *Lodge D.* The Novelist at Crossroad and Other Essays on Fiction and Criticism / D. Lodge. – London: Routledge & Kegan Paul, 1971. – 292 p.
9. *Lodge D.* Thinks / D. Lodge. – NY: Penguin, 2002. – 342 p.

Надійшла до редколегії 08.02.2013 р.

УДК 82.091

Г. В. Липин

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ВОСТОЧНОСТЬ VS. ОРИЕНТАЛИЗМ: У ИСТОКОВ ОСВОЕНИЯ ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛИТЕРАТУРЕ США

Досліджується проблема впливу культури Сходу на американську літературу кінця XIX ст. на ранньому етапі освоєння японської поезії та драми Но в контексті дискусій про Орієнталізм.

Ключові слова: орієнталізм, японськість, жанр хайку, драма Но, освоєння, імажизм, модернізм.

© Г. В. Липин, 2013

Исследуется малоизученная проблема влияния культуры Востока на американскую литературу конца XIX в. на самом раннем этапе освоения японской поэзии и драмы Но в контексте дискуссий об Ориентализме.

Ключевые слова: ориентализм, японскость, жанр хайку, драма Но, освоение, имагизм, модернизм.

The article focuses on the problem of East Asian cultural influences on literature of American modernism at the earliest stage of mastering Japanese poetry and drama Noh in the context of Orientalist discourse.

Key words: orientalism, japonism, haiku, drama Noh, mastering, imagism, modernism.

В статье изучается освоение культуры Востока, и прежде всего японской классики, в американской литературе конца XIX в., которое во многом определило, по мнению ученых, природу «эстетической революции» модернизма [5, p. 114–129].

Р. Минер одним из первых пытался понять эпистемологическую природу литературного «японизма» в англоязычной литературе и пришел к выводу, что это феномен «seems to defy explanation» [8, p. 18]. Отсутствие концептуального аппарата для понимания эпистемологии всплеска востокцентричных процессов в культуре Запада, начиная с конца XIX в., расплывчатая оценочность определений *exotikos*, экзотизм, ориентальность, *Japonaiserie*, японизм, *Japan=esque*, *Chinoiserie* осложняют изучение этого явления. Для адекватного анализа необходима разработка новых теорий и новое терминологическое наполнение.

Представляется необходимым различать восточность и Ориентализм, а также японскость и японизм. Первое относится к процессам духовно-эстетического постижения культуры Востока через непосредственное изучение и вживание в чужую культуру, второе – соотносится с саидовским пониманием ориентализации Востока Западом во многих случаях происходящей *a priori*. В статье намечен новый подход, ведущий к смене парадигмы в изучении взаимоотношений Востока и Запада, к смещению фокуса исследований к духовно-эстетическому центру.

Введенная нами дистинкция «восточность» / «ориентализм» выделяет отличное от саидовской концепции отношение Запада к Востоку. И отличие это не столько в географической отдаленности японского востока по отношению к арабскому, сколько в акценте на художественно-эстетическом, а не на идеологическом подходе к изучению явления. Востокцентричность американской литературы в конце XIX в. рассматривается в статье не как идеологический конструкт дискурсивных практик «господства над Востоком», а именно так оценивает Э. Саид и деятельность американских трансценденталистов, которые, в свете его теории, стремились к интеллектуальной колонизации Востока, адаптируя восточную тематику для своих целей. При таком подходе Япония становится не географическим фактом, а всего лишь «западным текстом». Саида интересует не художественно-эстетический срез явления, а его идеологическая наполненность. Сущность Ориентализма ученый видит в «ineradicable distinction between Western superiority and Oriental inferiority» [12, p. 42]. Незамеченным остается главное: ученые, философы, переводчики (Томас Халм, Эрнест Фенелоза, Бейзил Чемберлен, Герберт Гайлз, Лафкадио Хирн) и многие поэты, среди них Паунд, Эми Лоуэлл, Джон Флетчер, Йейтс, Уильям Карлос Уильямс, видели в классической культуре Японии и Китая этическую и эстетическую высоту, основу для обновления не только своего поэтического языка, но и всей западной культуры. В японской культуре американские писатели открывали близкое и созвучное их поискам новых горизонтов в искусстве, причем не заимствуя, не мимикрируя «под японскость», а всесторонне постигая ее и лингвистически и теоретически. Поэтому сводить поглощенность американских писателей японской поэзией танка и хайку, драмой Но к концепции «культурной колонизации» пред-

ставляється тенденційним. Такий підхід деяких дослідників, сложившись під певним ідеологічним тиском теорій «святої трійці» постколоніальної теорії [16], повинен поступити місце об'єктивному вивченню нової проблематики і поетики, радикальних і перспективних рис художественного освоєння-вчувствования американських письменників в східну культуру, першим вибухом інтересу до такого зовсім Іному і одночасно так звучному зростаючому всередині американської культури новим орієнтиром художественності. Тоді чіткіше стають і процеси формування «планетарного свідомості» письменників, про які пишуть сучасні вчені [11, с. 15]. Уитменівське знамените «Привітання всьому світу!» – «SALUT AU MONDE!» («I have looked for brothers, sisters, lovers and found them ready for me in all lands» [14, с. 168–178]) яскраве підтвердження цьому. Поет, стоявчий у витоків американського модернізму, називає Азії – «Originatress... The nest of language, the bequeather of poems, the race, the eld» [14, с. 272]. Для нього Схід – зовсім не те, що вважає Е. Саїд («Orient was almost a European invention» [12, с. 1]).

В контексті сучасного метадискурсу про орієнталізм близька думка може сьогодні бути знайдена і в відомій похвалі Паунда Еліотом («the inventor of Chinese poetry for our time [4, с. xvi]). Однак важливо підкреслити, що ні Паунд, ні Уільям Карлос Уільямс не були апологетами переваги західної культури, їми рухало зовсім інше почуття – відчуження з близькими поетами в представленнях про нову мову мистецтва. Вони бачили не чужість Другого, а себе в Другому. Це «друге» вписувалося в їхні представлення про нову мистецтво і визначало пошуки свого в іншому. Паунд, розробляючи свою ідеографічну поезію, бачив в ієрогліфі форму іншого типу мислення: «The ideograph is a door into a different modality of thought» [10, с. 88]. Саме тому важко погодитися з думкою дослідників, які вважають, що «American poets translating Japanese poetry during the 20th century were ultimately less interested in Japanese poetry and language *per se* as they were in the creation of a new American poetics and new possibilities for the poetic imagination» [13]. При такому звуженому підході концепція освоєння чужої культури як естетичної колонізації може виглядати не менш ідеологізованою, ніж саїдовський тезис про «орієнталізації» Сходу Заходом.

Катализаторами процесу, який породив «вихор» вортицизму, змінивши імажізм, в освоєнні східної класики (китайської і японської) в протопаундовську епоху, були незаслужено забутий письменник, поет, перекладач, вчений: Ернест Феноллоза [1], Лафкадіо Хірен, Т. Халм, Б. Чемберлен – перекладач одного з перших збірок японської поезії (*The Classical Poetry of the Japanese*, 1880 [3]), Садачі Хартман – перекладач японської поезії, синолози Герберт і Ліонел Гейлз, які своїм дослідницьким трудом, напруженими творчими пошуками, вивченням мови і життям в віддаленій країні досягли духовної сутності культури. На цьому фоні малоубідовано звучить з легкістю брошене в 1886 г. О. Уайльдом спостереження: «the whole of Japan ... a pure invention ... simply a mode of style» ... «exquisite fancy of art» [15, с. 235], сліди якого в постмодерністському виконанні помітні в «Імперії знаків» Р. Барта, теж назвавши Японію «фантазією», хоча і по іншому приводу [2, с. 69–84].

Це скоріше стосується до літературного «японізму» – *japonaiserie*, – для якого екзотичний антураж був замістителем японськості, як, наприклад, в ранньому зразку – «Балладі, навеяній малюнком Тойокуні» («Ballade of a Toyokuni Colour Print», 1888) В. Хенлі (W. E. Henley).

В зарубіжному літературознавстві східнознавчий аспект дослідження витоків модернізму в американській літературі зазвичай зводиться до констатації і перерахунку фактів зростаючого інтересу до китайської і японської класики

ческой поэзии, формам ее переводческого постижения, чаще всего связанного с «magnificent misreading» [7, p. 206]. Восток в концепции Ж. Парк трактуется всего лишь как форма эстетического утешения [9, p. 3].

В ставшем классическим труде видного ученого знатока литературы американского модернизма Хью Кеннера «The Pound Era» (1971), описавшем, как провозглашают некоторые критики, процессы «the invention of modernism», заявлен иной взгляд на эту проблему. В предисловии к своей книге Кеннер отмечает, что его цель «to X-ray moving picture of how our epoch was extricated from *fin de siècle*» [6, p. xi]. Влияние Востока на американскую модернистскую поэзию рассматривается им в двух аспектах: в культурологическом срезе ориентального и западного мироощущения и в особенностях индоевропейской лингвистической теории (Ясперсен, Гумбольдт), соотнесенной с принципами восточной письменности. Изучение истоков американской модернистской поэзии, осознанного новаторства, не сводимого к формуле «ориентализация модернизма» и «модернизация ориентализма», остаются в работе Х. Кеннера не проясненными.

Культурологическое и научное изучение литературы и искусства Японии на Западе начинается с момента Реставрации Мейдзи (1868), отказом страны от политики изоляционизма, «открытием» Японии для остального мира. До этого периода знания о Японии, как доказывают ученые, были весьма скудными. Знаменательно, что первая монография о японском языке была подготовлена не японологом, а синологом (W. H. Medhurst, 1958).

В 1872 г. французский критик Phillippe Burty для обозначения новой области в изучении истории, этнографии, искусства вводит термин «японизм». В Америке популяризацией японского искусства занималась Берта Лам, обучавшаяся долгое время у японских мастеров (Bonkotsu Igami, (1875–1933) и у американских учителей (Arthur Wesley Dow), во многом обязанных работам япониста Эрнеста Феноллозы (Fenollosa, Ernest. Works 1896–1911).

К концу XIX в. японизм на Западе заявляет о себе как значительное направление в культуре. Эдмон де Гонкур издает две книги о японских художниках, японское изобразительное искусство вдохновляет французских импрессионистов Мане, Моне, Дега, Писсарро. В истории американской живописи особое место занимает творчество Уистлера, художника, который объяснял Японию и эстетику «японскости» Западу. В литературе японская тематика просматривается и в поэме Лонгфелло «Керамос» (1878). Киплинг создает «Буду в Камакура» (1892), Джон Лютер Лонг «Мадам Баттерфляй» (1898), а легенда Японии, импрессарио японской и китайской культуры Эрнест Феноллоза пишет свою известную поэму «East and West» (1893). За исключением работ Феноллозы все перечисленные произведения попадают под предложенную Р. Минером характеристику «chronological exoticism» [8].

Художники и поэты ищут в японской культуре источник творческого вдохновения. В стихах Э. Дикинсон (1830–1886) можно увидеть отсвет восточной поэтики и эстетики, хотя японская поэзия еще не была переведена на европейские языки. Основой знакомства с восточной философией, возможно, были книги так любимого ею Эмерсона, его эссе, в которых исследователи находят прямую связь с философией дзен буддизма [17, p. 113–130]. Поэтесса дает на это основание. Так, в стихотворении #813 она создает образ «Oriental circuit», а в стихотворении #318 исследователи отмечают удивительную близость с восточным мироощущением.

Поиски нового поэтического языка шло не по линии «присвоения», а по пути лингвистического, философского осмысления с-родства японской поэтикой. Устремленность американских поэтов, писателей, ученых, переводчиков на художественно-эстетическое постижение японской классики – жанра хайку, танка, пьес Но – многое определила в становлении новых форм в американской

литературе начала XX в. Их целью было не «при-своение» чужого, а глубокое духовно-практическое о-своение многовекторного чужого опыта, начиная от природы иероглифического языка, религиозно-философской мысли до поэтики и эстетики хайку, танка, драмы Но.

Ученые-филологи востоковеды Феноллоза, Чемберлен, Г. Гайлз, А. Уэллей были первосоздателями этих восточных инъекций от дряхления англоязычной поэзии, открыв защитную прививку в жанре японского хокку и драме Но. Протопаундовский этап освоения восточной культуры насквозь пропитан научными поисками и эстетическим переживанием многоаспектно постигаемой восточности.

Важную роль, к сожалению, до сих пор почти нецененную, в привитии вкуса и понимания японской поэзии сыграл японский поэт и критик Йоне Ногучи (1875–1947). Его встреча с Йейтсом в 1903 г., и позднее с Э. Паундом в 1911 г., его книги «The Spirit of Japanese Poetry» (1915), «Japanese Hokkus» (1920), помимо влияния других литературных факторов, во многом изменили взгляды Паунда, Йейтса, Элиота на поэзию. И хотя Р. Минер в своей насыщенной историко-литературным материалом и фактами обстоятельной монографии считает, что этот источник влияния был сомнительным, иронично замечая, что представление Ногучи о «духе хайку» было отличным от того, что вкладывали в этот жанр три поколения японских поэтов, тем не менее, именно Ногучи, судя по историко-литературным материалам, был одним из поэтов и критиков – немногочисленных носителей японского языка и культуры, который все-таки знал побольше о предмете своего изучения, чем французские символисты, работавшие с оригиналами, зачастую из третьих рук, и на влияние которых безоговорочно ссылается Минер [8, p. 186].

Новый этап освоения японской культуры в начале XX в. будет связан с учеником по Востоку и интеллектуальным наследником незаслуженно забытого Эрнеста Феноллозы Эзрой Пундом. Вместе с Йейтсом, Олдингтоном, Уильямсом они создадут новые модели освоения японской классической поэзии и драмы Но, открывая новые художественные горизонты, выступая не имитаторами экзотизма, а хранителями культуры Востока на Западе. «Эра Эзры Паунда» – вершина в освоении восточной культуры в литературе США – эпоха не только радикальной новизны художественных текстов, но и теоретических открытий.

Библиографические ссылки

1. *Липин Г. В.* У истоков трансквиализационной компаративистской поэтики: «Китайский иероглиф как средство поэзии» Эрнеста Феноллозы / Г. В. Липин // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. – Луганськ, 2012. – Серія «Філологічні науки». – С. 201–207.
2. *Barthes Roland.* Empire of Signs / Roland Barthes // Trans. by Richard Howard. – NY: Hill and Wang, 1983. – P. 69–84.
3. *Chamberlaine Basil Hall.* Japanese Poetry / Basil Hall Chamberlaine. – L.: John Murray, 1910. – 260 p.
4. *Eliot T. S.* Introduction // Pound Ezra. Selected Poems / Ezra Pound. – London: Faver and Gwyer, 1928. – 184 p.
5. *Flanagan Kathleen.* Orient as Pretext for Aesthetic and Cultural Revolution in Modern American Poetry / Kathleen Flanagan // Cohesion and Dissent in America / Ed. by Carol Colatrella, Joseph Alkana. – Albany: State University of New York Press, 1994. – P. 114–129.
6. *Kenner Hugh.* The Pound Era / Hugh Kenner. – Berkeley: University of California Press, 1971. – 568 p.
7. *Kern Robert.* Orientalism, Modernism, and the American Poem / Robert Kern. – NY: Cambridge University Press, 1996. – 336 p.
8. *Miner Roy.* The Japanese Tradition in British and American Literature / Roy Miner. – Princeton: Princeton University Press, 1958. – 312 p.
9. *Park Josephine.* Apparitions of Asia : Modernist Form and Asian American Poetics / osepine Park. – NY: Oxford University Press, 2008. – 188 p.

10. *Pound Ezra*. *Machine Art and Other Writings: The Lost Thought of Italian Years* / Ezra Pound. – Durham: Duke University Press, 1966. – 174 p.
11. *Pratt M.L.* *Imperial Eyes. Travel Writing and Transculturatuion* / M. Pratt. – NY: Routledge, 2003. – 254 p.
12. *Said Edward*. *Orientalism* / Edward Said. – NY: Vintage, 1979. – 368 p.
13. *Tomoyoshi M.* *American Poets and the Popular Perception of Japanese Poetry* // M. Tomoyoshi. [Электронный ресурс]– Режим доступа: <http://eric selland.wordpress.com/2010/01/10/6/>.
14. *Whitman Walt*. *The Complete Poems* / Walt Whitman / Ed. by Francis Murphy. – NY: Penguin Classics, 2005. – 912 p.
15. *Wilde Oscar*. *The Decay of Lying* / Oscar Wilde // *The Major Works*. – Oxford: Oxford University Press, 1989. – P. 215–241.
16. *Young Robert*. *Colonial Desire: Hybridity in Theory, Culture, and Race* / Robert Young. – London and NY: Routledge, 1995. – 230 p.
17. *Yoshio Takanashi*. *Emerson and Zhu Xi: The Role of the «Scholar» in Pursuing «Peace»* / Takanashi Yoshio // *The Japanese Journal of American Studies*. – 2009. – No. 20. – P. 113–130.

Надійшла до редколегії 08.02.2013 р.

УДК 821.111 – 31 «20»

Н. Г. Велигина

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

РОМАН «АНГЛИЯ, АНГЛИЯ» ДЖ. БАРНСА: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Досліджується втілення англійськості у романі Дж. Барнса «Англія, Англія».
Ключові слова: Дж. Барнс, англійськість, постмодернізм, сучасний роман.

Исследуется воплощение англійськості в романе Дж. Барнса «Англія, Англія».
Ключевые слова: Дж. Барнс, англійськість, постмодернізм, сучасний роман.

The embodiment of Englishness is explored in J. Barnes' «England, England».
Key words: J. Barnes, Englishness, postmodernism, contemporary novel.

Тема художественного втілення сугубо національних черт, конечно, не нова в англійській літературі – «літературі англійськості» [17, с. vii]. Однак настійчине виділення примет національного канона в особу категорію, акцентирование ее дискуссионности, смысловое наполнение противопоставления англійськості и британськості – все это относительно новые явления. Анализ библиографии по данному вопросу позволяет сделать следующий вывод: всего несколько работ конца 20-х – начала 30-х гг., книга Н. Певзнера «The Englishness of English Art», ставшая сенсацией в 50-х – и огромное число исследований, начиная с конца 90-х. Н. Певзнер осторожно обрисовывает отсутствие в современном ему искусствоведении направления, акцентировующего национальное, настаивает на важности выделения общенациональных черт, вводит понятие «география искусства», постоянно подчеркивая свою дистанцированность от национализма как такового: «Предмет географии искусства – национальный характер и то, как он проявляется в искусстве» [16, с. 11]. Четыре десятилетия спустя А. Истхоп уже подробно исследует и проблему национализма, и сложности, связанные с изучением национального, определяющиеся самим свойством «предмета»: «нация – это и форма идеологии, и нечто внутреннее, субъективное и неподходящее для серьез-